

ТАНЬ АОШУАН

КИТАЙСКАЯ
КАРТИНА
МИРА

ЯЗЫК,
КУЛЬТУРА,
МЕНТАЛЬНОСТЬ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2012

ББК 81.031

Т 14

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Тань Аошуан

Т 14 Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 272 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

ISSN 1727-1649

ISBN 978-5-9551-0381-5

Книга ведущего специалиста по филологии и культурологии Китая, доктора филологических наук, профессора МГУ Тань Аошуан посвящена этнокультурному осмыслению мира, которое человек получает вместе с родным языком и культурными традициями. Это свой способ видения мира, картина мира. Близость картин мира определяется сходством традиций, обусловленным общностью культуры и исторического опыта народов. Это позволяет говорить о существовании внутренней семантической типологии, характеризующей способы концептуализации мира.

Первая часть книги посвящена китайской модели мира – пространству, времени, семантике размера, значимости чисел в концептуализации мира китайцами. В частности, определяется локализация чувств в наивной картине мира китайцев, вскрывается смешение у них интеллектуального и эмоционального. Здесь также рассматриваются эстетические идеалы конфуцианцев, связанные с идеями Срединного пути.

Во второй части книги рассматриваются культурные категории: концепты любви, отношений между человеком и природой, понятиям аналогичным нашему понятию «душа», категории «тоски», проявляющейся как в обыденной жизни, так и в классической китайской поэзии, различным осмыслениям ключевого иероглифа *mei*, означающего эстетическое понятие «красивый, прекрасный». Анализ частично основывается на построении семантико-ассоциативных полей исследуемых ключевых слов.

Книга уделяет особое внимание сопоставлению китайской картины мира с русской и среднеевропейской. Она снабжена большим иллюстративным материалом и будет интересна самому широкому кругу читателей.

ББК 81.031

ISBN 978-5-9551-0381-5

© Тань Аошуан, 2012

© Рукописные памятники Древней Руси, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*Посвящается моей любимой учительнице
Нине Давыдовне Арутюновой*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Часть I. Модель мира

Человек и пространство.....	11
К вопросу о семантической типологии.....	31
О модели времени в китайской языковой картине мира	35
Способы фрагментирования действительности.....	47
Семантика размера: сходство и различия	54
Значимость чисел в концептуализации мира китайцами.....	75
Модель этического идеала конфуцианцев	91
Ментальность Срединного пути.....	110
Локализация органов чувств в наивной картине мира китайского языка	123
Полифония местоимений в творчестве первого китайского нобелевского лауреата Гао Синцзяня	130
Язык динамического мира в макро- и микропространстве	143
Место грамматики в традиционной науке Китая	149

Часть II. Культурные категории

Китайский концепт любви в свете современной лингвистики	165
Реконструкция представлений китайцев о судьбе по фразеологизмам	179

Культурная категория <i>junzi</i> в зеркале отношений человека и природы	187
«Игра» со словом 'играть' в китайском языке	197
Китайское слово «душа» и китайский концепт души как двухуровневое образование, или История о забытой душе	201
Коннотации ключевого эстетического слова <i>mei</i> в китайском языке	209
Загадка иероглифа <i>luan</i> — беспорядок или порядок?	214
Категория тоски в классической поэзии (на материале творчества Ли Юя и Ли Цинчжао)	221
Почему у китайцев мало развито чувство юмора?	249
Доклад «Адресация поэтического дискурса и способы ее выражения в языке изолирующего строя»	254
Сопоставительный Анализ переводов «Нагорной проповеди» на английский, китайский, немецкий и русский языки	260
П р и л о ж е н и е	
Цитируемые образцы китайской поэзии	264
Библиография.....	266

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сопоставительные исследования семантических типов глаголов и семантики размера наводят на мысль, что о типологии можно говорить не только с точки зрения формальных признаков, характеризующих тот или иной языковой строй, служащих критерием для отнесения определенного языка к флективному, агглютинативному, изолирующему и т. д. Эти признаки относятся в большей степени к способам кодирования знаков — акустическим / синтаксическим или морфологическим / неморфологическим. Они не касаются или в очень малой мере касаются мировоззрения носителя языка. Известно, что языковое значение этноцентрично [Вежбицкая 1996]. Оно ориентировано на определенный этнос. Различия выражаются в толковании слов и обуславливаются несовпадениями в наивной картине мира пользователей языков.

Таким образом, в языковом сознании носителя отдельно взятого языка зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или не совпадающий со способом видения мира носителем другого языка. Близость картин мира определяется сходством традиций, обусловленным общностью культур и цивилизаций и исторического опыта народов. Это позволяет говорить о существовании внутренней семантической типологии, характеризующей способы концептуализации мира.

Первая часть монографии посвящена китайской модели мира — пространству, времени, семантике размера, значимости чисел в концептуализации мира китайцами. Здесь также рассматриваются этические идеалы конфуцианцев, связанные с ментальностью Срединного пути. Предпринята по-

пытка определения локализации чувств в наивной картине мира китайцев, обнаруживается смешение у них интеллектуального и эмоционального. В конце первой части при помощи лингвистического аппарата выявляется феномен раздвоения и расстроения личности в современной художественной литературе благодаря нестандартному использованию местоимений. Во второй части монографии рассматриваются культурные категории: концепт любви, отношения между человеком и природой, понятия, аналогичные нашему понятию «душа», реконструируются представления китайцев о судьбе по фразеологизмам, коннотациям эстетического понятия *mei*, категории тоски в классической китайской поэзии. Автор исходит из гумбольдтовской концепции внутренней формы языка. Анализ частично основывается на построении семантических и ассоциативных полей исследуемых ключевых слов.

Часть I

МОДЕЛЬ МИРА

ЧЕЛОВЕК И ПРОСТРАНСТВО

В лексикографической практике целесообразность описания лексических и грамматических значений через системное изучение наивной картины мира носителей языка становится все более очевидной (см. [Апресян 1986; Вежбицкая 1996; Яковлева 1994; Рахилина 1994]). Одним из центральных направлений здесь выступает анализ того, как в нашем сознании отражены человек и окружающее его пространство. Проблема человека и пространства привлекала внимание многих ученых, и в первую очередь следует упомянуть работы [Wierzbicka 1973; Топоров 1983; Апресян 1986; Лотман 1988; Степанов 1989; Флоренский 1990, 1993; Селиверстова 1990; Цивьян 1990; Хайдеггер 1991; Яковлева 1994].

Само понятие пространства, как справедливо отмечалось исследователями, неоднородно. Его можно понимать и по Ньютону — в научной ипостаси, и по Лейбницу, когда оно означает «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей...» [Топоров 1983: 228]. В вокабуляре современного человека термин «пространство» (*kongjian*) скорее понимается по-ньютоновски, как нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися. Однако образ пространства, отражаемый в нашем концептуальном мире через лексические единицы и грамматические конструкции, скорее соотносим с архаической моделью мира, в которой идея пространства, как показал В. Н. Топоров, сводится к его «собираению», «обживанию» и «освоению» [Топоров 1983: 242].

В этом контексте характерна своеобразная «наивная философия» мира китайцев, описанная в первом параграфе «Дао дэ цзин»: «небытие — название начала неба и земли, бытие — название матери десяти тысяч вещей» (этот перевод отвечает членению, предложенному в издании памятника [Yan 1971]). В параграфе же 52 этого памятника говорится: «У Поднебесной есть начало, и оно — мать Поднебесной». Как видно, понятия «небо» (*tian*) и «земля» (*di*) своим «небытием» противопоставляются «бытию» «десяти тысяч вещей» (*wanwu*), в том числе и человека. Однако понятие *tianxia* «Поднебесная» и здесь, и вообще синкретично в том смысле, что оно совмещает в себе и пространственный, и человеческий факторы (все то, что находится под небом).

Таким образом, человек отнюдь не растворяется во множестве *wanwu* «десяти тысяч вещей», а выделяется среди них как «человековещь» *renwu*¹. Человек выступает как истинный хозяин обжитого им в течение многих тысяч лет пространства, тем существом, которое возвышается над «десятью тысячами вещей»: «человек — это то среди десяти тысяч вещей, что обладает разумом» (*ren wei wanwu zhi ling*).

С философским представлением «Дао дэ цзин» о небытии как начале Неба и Земли в «культурной парадигме» носителя китайского языка сосуществует идея «появления» пространства и идея его «собирания» в буквальном смысле этого слова. Это мифологическое представление человека о пространстве можно проследить по легендам о том, как Паньгу «раздвинул Небо и землю»² и как Нюйва «латала Небо»³.

¹ Слово *renwu* «человеческая вещь» в современном китайском языке имеет значение 'персонаж' или 'личность'. *Ren* «человек» и *wu* «вещь» находятся в отношении рода и вида.

² Согласно легенде, изначально небо и земля были смешаны, как в курином яйце. В нем родился Паньгу, который раздвинул небо и землю. Светлое и чистое стало небом, темное и мутное стало землей, а Паньгу оказался между ними [Hanyu chengyu 1995: 7].

³ В легенде о «латании Неба» богиней Нюйва говорится, что в древности четыре страны света были разрушены, девять областей дали трещины, небо перестало покрывать Землю, Земля перестала носить Небо. Вулканы не гасли, наводнения не прекращались.

В. Н. Топоров говорит о первичности антропоморфного кода в мифопоэтическом сознании, поэтому языковое пространство «собирается» как антропоморфная система. Это фундаментальное наблюдение подтверждается лингвистическими исследованиями материала конкретных языков, которые предлагают такие понятия, как «наблюдатель», «место наблюдателя» [Апресян 1986: 11, 19] и «окрестности говорящего» [Яковлева 1994: 32—34]. Касаясь антропоцентричности языка, Ю. Д. Апресян пишет, что «для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» [Апресян 1986: 3].

В процессе «обживания» и «освоения» пространства у каждого народа формируется свое языковое сознание, которое находит отражение в таких понятиях, как «место», «протяженность», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» и т. д. (см. [Leach 1971]). Все они в конечном счете сводимы к понятию «экзистенциальность» (*cunzai*) в разных ее формах — статичных и динамичных. К первым относятся существование и нахождение, ко вторым — передвижение и ориентация.

Существование и нахождение

Языковые формы существования, нахождения и передвижения, зафиксированные в наивной картине мира разных народов, могут оказаться весьма разнообразными. В этом легко убедиться при переводе с одного языка на другой. Однако столь очевидные факты, лежащие, казалось бы, на поверхности, часто остаются за пределами внимания наблюдателей, озабоченных скорее поисками «эквивалентного» выражения и порой не замечающих того, что стоит за фактами расхождений.

Здесь мы в первую очередь имеем в виду глаголы, которые непосредственно связаны с категорией пространства.

Нюйва с головой человека и телом змеи выплавил пятицветные камни и залатала Небо, отрезала ноги у гигантской черепахи и установила их по четырем странам света [Honglougong... 307].

Возьмем, к примеру, самый универсальный глагол со значением экзистенции для одушевленных объектов — глагол *жить*. В русском языке этот глагол в равной степени применим для выражения существования, нахождения и образа существования. Ср.:

- (1) а. Старик еще живет;
 б. Старик живет в Москве;
 в. Старик плохо живет.

Значение 'жить' в этих фразах по-китайски передается тремя разными глаголами. Это глагол-иероглиф *huo* с детерминативом «вода» и значением физического существования⁴, глагол-иероглиф *zhu* с детерминативом «человек», семантически связанный с постоянным местонахождением человека, т. е. с некоторым ограниченным пространством, и глагол-иероглиф *guo* с детерминативом «движение», имеющий значение 'прожить' (ср. идею В. Н. Топорова об «освоении пространства»).

Таким образом, вышеприведенным русским фразам соответствуют китайские фразы:

- (1') а. Laotur hai **huo** zhe;
 б. Laotour **zhu** zai Mosike;
 в. Laotour rizi (shenghuo) **guo** de bu hao
 букв. 'У старика дни (жизнь) проходят плохо'.

В последней фразе с оценочной конструкцией объектом оценки выступают *rizi* «дни» или *shenghuo* «жизнь». Поскольку *старик* является агенсом по отношению к *guo* «проходить», *дни* или *жизнь* выступают как пройденное, причем пройденное плохо.

По отношению к глаголу *huo* подобный аксиологический оператор можно применить только в случае, когда объектом оценки выступает совокупность прожитых лет, т. е. весь жизненный цикл человека. Тогда можно сказать:

---

⁴ Наличие у иероглифа *huo* детерминатива «вода» можно трактовать двояко. С одной стороны, без воды нет жизни. С другой стороны, жизнь возникает в воде.

(1'г) Wo zh yi beizi zong suan **huo** de hai keyi (bucuo)
 Я свою жизнь в целом все же прожил неплохо
 (букв. 'Моя жизнь в целом жилась неплохо').

Различия, которые мы наблюдаем при сравнении китайского языка с русским, обнаруживаются и при сопоставлении с другими европейскими языками. В таблице ниже приведены глаголы, выражающие соответствующие понятия в китайском и трех европейских языках.

китайский	русский	английский	немецкий
huo	жить	live	leben
zhu	жить	live	wohnen
guo	жить	live	leben (gehen)

Из этой таблицы видно, что в отношении глаголов, связанных со значением 'жить', к китайскому языку ближе всего немецкий.

Следует отметить, что в китайском языке из трех экзистенциальных глаголов только первый глагол *huo* применим к животному и растительному мирам. Универсальным глаголом постоянного нахождения для фауны и флоры, предметов неодушевленного мира является глагол *zai* «находиться» (ср. в русском языке метафорические употребления *жить*: *Смотри, твои ботинки все еще живы*). Частным способом выражения значения нахождения для растений выступает глагол *zhang* «расти», если речь идет об их естественном нахождении в пространстве:

(2) а. Hua saо **zhang** zai yuanzi li
 Цветы и травы растут (находятся) в саду.

Однако когда существование и нахождение оказываются возможными благодаря заботам человека, употребляется глагол *yang* «кормить». Ср.

(2) б. Hua saо **yang** zai huaуuan (huaran) li
 Цветы и травы кормятся (находятся) в саду (в горшке);